

ОТ РЕДАКЦИИ

Российский театр: мода на Островского

Как-то вдруг выяснилось, что едва ли не самым репертуарным драматургом нынешнего российского театра стал Александр Николаевич Островский. В афише Малого театра мы видим сразу четыре названия: «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Свои люди — сочтемся», «Правда хорошо, а счастье лучше», «Бешеные деньги». Это, впрочем, легко объяснимо. Малый называется Домом Островского. Где, как не здесь, и ставить, и играть, и смотреть нашего самобытного классика. Но и другие театры обзавелись спектаклями по его пьесам. На сцене Театра Пушкина — «Бесприданница», на Покровке — «Таланты и поклонники», в Вахтанговском — «Без вины виноватые». Наконец, одна за другой московскому зрителю были представлены две премьеры — «Доходное место» в «Сатириконе» и «Поздняя любовь» в Театре Армии.

Как говорят в таких случаях: тенденция, однако.

Действительно, почему сегодня столь острый интерес к Островскому? Отчего не к Чехову или к Шекспиру?

Есть объяснения на сей счет. Достаточно рациональные и основательные. Они состоят в следующем. Современный театр, в том числе и стационарный (а не только антрепризный), является рыночным сектором. В нем драматургию в первую очередь заказывает зритель, которому в равной степени прискусили сакраментальные вопросы русских и зарубежных Гамлетов: «Кто виноват?», «Что делать?» и «Быть или не быть?». На первые два вопроса он отчаялся получить ответ, интеллектуальные изыскания и эскиз-тенциальные прозрения современных авторов его больше не занимают, а на последний вопрос он сам себе решительно ответил: «To be!».

И «Быть» он желает по полной программе: чтобы перед ним на сцене разыгрывались крепкие, понятные, узнаваемые коллизии с проверенными мелодраматическими эффектами, с ожидаемыми сентиментальными поворотами, чтобы характеры были, чтобы жизнь кипела и страсти рвались наружу, чтобы русские реалии лезли из всех пор спектакля... Короче, чтоб не скучно было... Кто ж тут более Островского подходит.

А кроме того, «Быть» на полную катушку пожелал актер, тоже ведь изрядно заскучавший под гнетом авторской режиссуры в авангардных ребу-сах. И ему Островский — в подарок и в удовольствие.

Не у всех, впрочем, актеров и режиссеров сложились отношения с классиком. Не всегда оправдываются надежды зрителей. Почему и отчего? На эти вопросы ответы знают театральные критики. Они ими уже поделились с читателями. Здесь же надо еще сказать о подсознательном характере моды на Островского.

На первый взгляд кажется, что ничего злободневнее сегодня, когда коррупция, мздоимство, лихоимство и прочие радости стали нашей повседневностью, чем Салтыков-Щедрин, нет. При более пристальном взгляде выясняется, что это не так. Воровства сейчас довольно, а того страха, который заставлял трепетать Балалайкина и компанию, уже нет. Потому возобновленный спектакль Товстоногова в «Современнике» не вызывает былого зрительского энтузиазма. И вечно актуальный гоголевский «Ревизор» в Вахтанговском театре не вызывает ожидаемого резонанса.

Островский — другое дело. Потому что это — другое время, более похожее на наше. Времена должны рифмоваться.

Все-таки вспомним на минуточку, что именно Александр Николаевич стал во второй половине XIX века первооткрывателем для нашей культуры сословия купцов — этих «новых русских» того времени. Он вывел его на сцену, художественно, как принято сегодня говорить, легитимизировал его, заглянул ему в душу. Он открыл стихию предпринимательства и показал, как она одушевляется, очеловечивается, как входит в берега общепринятой морали. В его пьесах примиряются непримиримые вещи для романтического сознания — высокое и низкое, расчет и чувства, корысть и щедрость. В его пьесах мы видим, как эти крайности сходятся, как они сочетаются... И как они разводятся.

Нам это еще все предстоит примирить, соединить и развести. А пока берем уроки у Александра Николаевича Островского.

Известия 2003 - 47 апр - с. 2